

Цзин Цяньшань не удержался и поднес зеркало ближе к глазам, вглядываясь в каждую деталь.

Это был его возлюбленный... он не мог ошибиться, в этом мире не было никого прекраснее.

Однако на нем были надеты какие-то серые, невзрачные лохмотья, до того простые, что казались жалкими. А что это у него в руках? Неужели метла?

В таком обличье он походил на самого обычного слугу, занятого уборкой.

Юный император на мгновение замер, и в груди у него вспыхнуло яростное пламя.

Его Нянь-нянь отправился туда, чтобы поправить здоровье, как они посмели — как они вообще посмели заставить его заниматься подобной черной работой? Его возлюбленный всегда был изнеженным и хрупким, он привык к бережной заботе и обожанию, разве мог он вынести такие тяготы?

При этой мысли Цзин Цяньшань стиснул зубы, уже представляя, как расправится с теми, кто позволил Шэнь Няню трудиться.

Лучше всего было бы схватить их всех, подвергнуть жестоким пыткам и казнить до девятого колена.

Как смел кто-либо хоть в чем-то пренебречь человеком, принадлежащим ему, Цзин Цяньшаню?

Он даже не осознавал, что его мысли сейчас полностью подчинены системе всеобщего обожания, под воздействием которой находился Шэнь Нянь. Ему казалось, что подобные решения абсолютно оправданы.

Увы.

Он слишком любил Шэнь Няня, поэтому снова принялся внимательно разглядывать зеркало гор и морей.

Даже в грубой одежде невозможно было скрыть ослепительную красоту его возлюбленного. Сердце императора обливалось кровью, наполняясь нежностью. Зная, что его голос не долетит до того берега, он все равно гладил зеркало и тихо шептал ласковое прозвище любимого.

Слишком близко — так легко заметить неладное.

В сердце императора вновь закрались сомнения.

Например, хотя его бедный возлюбленный двигался неуклюже, словно не привык к физическому труду, в его глазах не было ни тени недовольства. Напротив, он постоянно, намеренно или случайно, бросал взгляды в одну сторону, и в его глазах искрилась такая страсть, будто напротив находился человек, которого он тайно обожал.

Цзин Цяньшань был слишком хорошо знаком с этим взглядом Шэнь Няня. Каждый раз, когда тот смотрел на него с такой мольбой и преданностью, он не мог отказать ему ни в чем, испытывая одновременно сладкую и горькую негу.

Его взгляд был таким, будто он видел в Цзин Цяньшане божество, единственного человека, который имел значение во всей вселенной.

Как мужчина, особенно мужчина, привыкший к безграничной власти, мог устоять, когда на

него смотрели с таким притягательным обожанием?

Но...

Это зеркало было односторонним, Шэнь Нянь не мог его видеть.

Даже если бы это было не так, Цзин Цяньшаню пришлось бы признать горький факт: хотя он видел глаза Шэнь Няня, сам Шэнь Нянь смотрел в совершенно иную сторону.

Кто там был?

Цзин Цяньшань невольно задался этим вопросом, но тут же счел свои мысли абсурдными. Шэнь Нянь был его возлюбленным, с которым они делили трон и клялись прожить вместе всю жизнь. Как он мог так сомневаться в нем?

Его снова обожгло взглядом Шэнь Няня из зеркала, и он, не в силах больше терпеть, отвел глаза, глядя на камень в форме сердца, лежащий на столе.

Это был подарок от Шэнь Няня.

Прекрасный, послушный красавец говорил, что босиком бродил по холодному ручью, рискуя простудиться, и потратил полдня, чтобы найти этот редкий камень необычной формы.

Поэтому самый обычный булыжник стал для императора величайшим сокровищем.

При взгляде на камень сладкие воспоминания вновь нахлынули на него. Цзин Цяньшань мысленно выругал себя за подозрительность.

Он решил убрать зеркало и немедленно отправиться в усадьбу, где Шэнь Нянь поправлял здоровье, чтобы во всем разобраться лично.

Хотя тот странный даос и настаивал, что им нельзя видаться как минимум год, иначе их страсть погубит их, а болезнь лишь усилится, и что необходим полный покой и отказ от чувственных наслаждений для исцеления...

Болезнь Шэнь Няня в свое время обрушилась внезапно, сделав его невероятно хрупким — он не выносил ни ветра, ни солнца. Император обошел всех знаменитых врачей, но никто не мог помочь, даже заклинатели, которых он с таким трудом разыскал, лишь качали головами.

Поэтому предложение того даоса, который казался столь уверенным в своих силах, о раздельном лечении звучало весьма убедительно.

Но сейчас...

Если только Бессмертный Фу не лгал ему, он не мог просто сидеть сложа руки.

Доверие к Фу Тинсюэ, сложившееся у императорской семьи, перевесило. Изображение в зеркале было слишком реальным, чтобы быть ложью.

Юный император, охваченный гневом, взмахнул рукавом, сметая со стола доклады. В комнату испуганно вбежали слуги, дрожа от страха в ожидании приказов. Слуга осторожно поднял голову и увидел, что император мертвой хваткой вцепился в зеркало.

Он уже готов был отдать приказ и обрушить свой гнев на всех и вся.

Но взгляд Цзин Цяньшаня снова невольно скользнул к зеркалу.

И в этот момент он заметил, что изображение изменилось, и к тому же...

Бессмертный не говорил ему, что зеркало способно не только передавать картинку, но и отчетливо транслировать звуки.

*

Шэнь Нянь, подметая пол, украдкой бросал на Гу Шишу полные нежности взгляды, подобные текучей воде. Однако тот сидел на троне, величественный, словно статуя божества, целиком погруженный в дела мира демонов, и не достаивал его даже коротким взглядом.

Шэнь Нянь невольно заволновался.

Он находился в мире демонов уже три дня, но прогресса не было никакого, что для Шэнь Няня, привыкшего всегда добиваться своего, было неприемлемо.

Конечно, он был уверен, что уже успел оставить след в сердце Гу Шишу: ведь тот отомстил за него и даже заточил Бессмертного. Шэнь Нянь не понимал истинного положения Фу Тинсюэ, ему просто доставляло странное удовольствие видеть, как высокопоставленные лица склоняют перед ним головы.

Увы, возможностей для сближения с Повелителем демонов было слишком мало.

В этом был виноват сам Повелитель: вначале он отправил его мести во дворец для прислуги, где встретить его было почти невозможно. А в тот единственный раз, когда они увиделись, Шэнь Нянь не был готов и предпочел отступить, чтобы сохранить свои позиции.

Поэтому он нашел управляющего слугами демонического дворца и, слегка применив свой золотой дар, упросил того перевести его на уборку в главный зал дворца.

Но даже так, несмотря на все его попытки соблазнения, ничего не выходило.

Шэнь Нянь стиснул зубы и решился заговорить первым, намеренно придав своему голосу робкие и жалобные нотки.

— ...Повелитель, я...

Гу Шишу наконец соизволил поднять взгляд и посмотреть на него.

<http://bllate.org/book/18924/1851390>